

Юрий
Домб-
ров-
ский

Юрий Домбровский

Державин,
или Крушение
империи

роман

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д66

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

В оформлении переплета использованы фрагмент “Портрета Г.Р. Державина” В. Л. Боровиковского (Государственный Эрмитаж, фотографии: Ю. А. Молодковец, В. С. Терехин, Л. Г. Хейфец) и эскиз картины “Суд Пугачева” В. Г. Перова (Государственный исторический музей).

Домбровский, Юрий Осипович.

Д66 Державин, или Крушение империи : [роман] / Юрий Домбровский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. — 267, [5] с. — (Юрий Домбровский: проза).

ISBN 978-5-17-158815-1

Юрий Домбровский (1909–1978) — прозаик, поэт, прошедший через несколько арестов, лагерей, ссылок и не сломавшийся. Автор романов “Обезьяна приходит за своим черепом”, “Хранитель древностей”, “Факультет ненужных вещей”, “Рождение мыши”. “Державин, или Крушение империи” — первый и неоконченный роман, опубликованный в 1937–1938 годах, что теперь кажется невозможным для тех лет, в журнале “Литературный Казахстан”. Молодой подпоручик Гавриил Державин (еще не знаменитый поэт и не важное государственное лицо) должен поймать мятежного каторжника Пугачева, назвавшегося именем покойного императора. Державин Домбровского не хочет быть палачом, но и отступать от существующего порядка не собирается, он — “человек правил” и видит, что “крутом измена”.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158815-1

- © Домбровский Ю. О., наследники
- © Бондаренко А. Л., художественное оформление
- © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024
- © Государственный исторический музей, Москва, 2024
- © ООО “Издательство АСТ”

Содержание

Глава первая
Генерал смотрит в окно

7

Глава вторая
Тридцатая верста

59

Глава третья
Осада

95

Глава четвертая

139

Глава пятая
Документы

169

Глава шестая

179

Глава седьмая
Мальковка

193

Глава восьмая

Слава

241

Комментарии

269

Глава первая

**Генерал
СМОТРИТ
В ОКНО**

I

Генерал смотрит в окно. На улице мороз. Свежий ветер раскачивает фонари и срывает шапки с прохожих.

Через стекло дверей генерал видит статуи, застывшие в странных позах. Он всматривается, прищуривая близорукие глаза. Но дальше, в глубине передней, царит подводный мрак, и он может различить только занесенные руки, полусогнутые колени, вскинутые головы, выгнутые груди.

Толпа зевак стоит около дверей.

И почему их не гонят, — думает генерал.

Если смотреть с улицы, тела богов кажутся синеватыми от сумерек и плохого стекла.

Зеваки смеются.

Ветер. Мороз. Снег.

Гости всё еще продолжают прибывать. Вышел из кареты старик, поддерживаемый двумя слугами. Он еле бредет, нащупывая неверной ногой снежную дорогу. Офицер в домино вылезает из дешевой наемной кареты. Он смугл, худощав, длиннолиц. При ходьбе стан его сохраняет ту деревянную неподвижность и стройность, когда кажется, что даже колени издают звук сокращающейся пружины. Как он идет! Как он идет! Генерал доволен. Муштра, выучка! Хорошая военная школа. Молодец! Молодец!

Он встает со стула и, хромая, отходит от окна.

В дальнем зале гремит музыка и слышится drobный стук каблучков.

Там танцуют.

Наклонив набок большую кудлатую голову, он прислушивается. Нет, эта музыка ему незнакома. Впрочем, он отмечает плохую сыгранность отдельных партий, недостаточную отчетливость басовых нот... От этого звук получается сильным и волокнистым.

Он недовольно качает головой. Впрочем, темп и беглость исполнения удовлетворительные. Что они играют? Он нахмуривает брови и закрывает глаза. Нет, эту пьесу он не знает и не слышал. Это что-то совсем новое.

Льется легкая, искрящаяся мелодия; на какой-то неслышанно высокой ноте заливается флейта. Глухие тона скрипки только оттеняют ее бравурную истерическую радость. Почему-то звуки скрипки кажутся ему матовыми. Он вдруг представляет себе всю пьесу как сноп лучей разной силы и протяженности.

Сильнее и глуше всего звучат толстые, короткие лучи.

Выше и чище — тонкие и острые полоски света.

Вся музыка, как паутина, висит в воздухе.

Пауза. Тишина.

Слышно, как расходятся пары.

Скрипят отодвигаемые стулья.

Оркестр начинает играть снова.

Эту пьесу он знает. Барабания пальцами по стеклу, старый заслуженный генерал мурлыкает глупую, наивную песенку, когда-то спетую им любимой женщине; безымянную песенку о мотыльке и пастушке.

Двое влюбленных смотрят на мотыльков.

Пастух и пастушка.

Пастушка улыбалась, —

поет генерал.

Пастух ее лобзал,
Он пел, она смущалась,
В обоих жар пылал.
Потом, вскопча, помчались
Как легки ветерки,
Вскочили, обнимались
И стали мотыльки.

Очень старый генерал стоит у окна и барабанит пальцами по стеклу.

Зима, ветер, китайские фонарики, как спелые плоды, раскачиваются на ветру. Желтый квадрат стеклянной двести вырывает кусок улицы — и тени, попавшие в этот квадрат, внезапно становятся осязаемыми для глаза.

Вот он видит: прошел бравый солдат Преображенского полка, за ним протрусила женщина с туго набитой корзиной, просеменил маленький толстый человек в треугольной шляпе.

И снова никого.

Офицер вылез из кареты и все еще стоит на улице. Теперь он нагнулся, и от его стройной одеревенелости не осталось ничего. Растерянно он шарит по карманам. Глупый, растерявшийся молодой человек.

Стой! Где он видел его? Генерал морщит лоб. Кажется, это один из офицеров его комиссии. Нет, такого у него нет. Он слегка походит на Бушуева, но тот ниже и значительно полнее. Он перебирает по пальцам — Лунин, Маврин, Бушуев, Кологривов, Семенов.

Семенов? Нет, Семенова он знает хорошо. Это не он. Офицер все еще шарит в карманах. Лицо его, наклоненное набок, делается хмурым и серьезным.

Потерял билет! Потерял билет!

Эх, ворона!

Бибиков отходит от окна, так и не вспомнив фамилии офицера.

Скрипит дверь, женщина входит в комнату.

Она сильно нарумянена, черные брови ее подняты кверху, короткое быстрое дыхание звучит в тяжелой груди. Это его крестница, племянница хозяйки дома.

Вдова.

Мужа убили в прошлом году на войне.

Бибиков смотрит на нее, прищулив глаза.

— Александр Ильич, — говорит крестница, — вы совсем забыли нас. Дамы хотят устроить на вас заговор.

Бибиков улыбается одними губами, устало и добродушно. Со стороны это должно выглядеть так: старый заслуженный генерал, кряхтя, разговаривает со своей крестницей.

— Устал, ангел мой, — говорит он с легкой хрипотцой. — Годы уже не те, да и ноги изменяют. Мне уж, ангел мой, не до балов. Как-никак, 45 лет стукнуло.

Крестница смотрит на него с недоверчивой улыбкой.

Бибиков качает головой.

— Стар, стар становлюсь, моя прелесть. Мне теперь уж о покое думать нужно, а не о светскости, — он показывает одной рукой на парализованную ногу. — Видишь, — говорит он печально и значительно. — Одной ногой в гробу.

Музыка.

Вальс.

Девушка подходит к окну.

Бибиков смотрит на нее прищурившись. Молодая, стройная, красивая! Вздор, что ему 45 лет! Он еще далеко не старик. А если взять горелки и танцы, то он даст сто очков вперед каждому молокососу, не говоря уже об охоте и стрельбе в цель. Руки у него не дрожат, глаз зорок и точен. Это не шутка, что он попадает на лету в ласточку.

Крестница, не отрываясь, смотрит в окно.

Девочка, девочка, ты напрасно улыбаешься. Он ушел из залы не потому, что ему тяжело принимать участие в играх молодежи, не потому, что он получил важное назначение и теперь ничто не идет ему в голову. Нет, он — солдат и привык в точности выполнять боевые приказы.

Его посылали на усмирение польских конфедератов — он шел туда, не моргнув глазом. Его заставляли пороть, вешать, приводить к присяге непокорных крепостных — он делал это. Ему предписали отправиться на театр турецких военных действий — он попросил только разрешения на три дня проехать в Москву. Теперь, после того, как Кар убежал, брося на произвол судьбы вверенное ему войско и оренбургского губернатора, зажатого, как мышь в ловушке, в осажденном городе, его посылают на край киргизкайсацких степей ловить этого неуловимого каторжника Пугачева, назвавшегося именем покойного императора. Что же, он принимает и это назначение.

А не идет он в залу потому, что возвращается его старая болезнь, захваченная во время польской кампании. И сейчас у него кислит во рту и в висках и все тело дрожит мелкой противной дрожью. Во время приступа этой болезни он видит, как вещи выходят из своих осей и делаются двойными. Морщась от боли, он смотрит на двойную лампу, на две кушетки, на четыре канделябра на столе и на камине. Даже собственный голос отдается от него и становится чужим. Он слышит свои слова как речи третьего лица; они, кажется, даже немного запаздывают по сравнению с его мыслями.

Мир двоится.

Очень неприятное и болезненное ощущение.

Крестница, не отрываясь, смотрит в окно.

Он глядит на ее обнаженную шею и вдруг о чем-то догадывается.

— Есть ли, — спрашивает он, — среди приглашенных поручик, роста высокого, собою статен и прям, лицо длинное и худощавое, лет никак не больше тридцати? Я где-то с ним встречался, — говорит Бибииков небрежно, — да вот фамилию запамятовал.

— Да, есть, — говорит крестница, и шея у ней вспыхивает, — это подпоручик Преображенского полка Державин.

II

Подпоручик Преображенского полка Державин поднимается по лестнице и входит в зал. По старой привычке он смотрит по сторонам, но знакомых нет. Не такое это общество, чтобы приглашать сюда Максимова, Толстого, Протасова и других его собутыльников. Надо сознаться, что ему чертовски повезло. Есть люди, которые годами добиваются, чтобы попасть в этот дом, и готовы заплатить любые деньги, чтобы только краешком глаза посмотреть на эти блистательные пары. А ему это ровно ничего не стоит. Ни трудов, ни хлопот, ни денег. Денег!

Он усмехается.

Матушка Фекла Андреевна пишет из Казани, что мужики совсем перестали платить оброк. Как прислали в октябре воз мороженой птицы да полтора ста рублей, так больше ничего и не шлют. Хитрят мужики, жмутся, прячут в солому ружья да топоры, ждут своего царя. Ну погодите, бестии! Будут вам вместо царя кнуты да глаголь. Церемониться ведь с вами не станут! Что-то слишком часто вы себе царей находите! Нынешний-то царь — седьмой по счету.

Он проходит по залу мимо группы гладиаторов. Через корзину с живыми цветами на него глядят откинутые

головы с белыми слепыми глазами, высовываются полусогнутые руки, блестят копья. Воин лежит на боку, склонив голову. Мраморная кровь хлещет из его раны.

Он смотрит на эту нарядную, выточенную из мрамора смерть и думает о себе.

Неудача преследует его по пятам. Можно ли представить себе жребий более несчастливый? Десять лет, проведенные в солдатчине, дали ему опыт и закалку, но не дали ни денег, ни чинов, ни чести. Другие его сверстники, куда менее острые и трудолюбивые...

Из зала доносится музыка.

Мимо него проходят замаскированные пары.

Идет, хромя, переваливаясь с ноги на ногу, толстый китайский мандарин с дюймовыми ногтями.

Идет араб под руку с киргизским ханом.

Идет кот в малиновом берете с пером.

Идет черный рыцарь с крестом на щите.

Крылатый ангел смерти, без косы, с песочными часами в руках, проносится мимо него.

И снова идут — араб, рыцарь, кот, мандарин.

Ангел смерти возвращается и берет его под руку.

— Идемте, — говорит ангел.

Толстый мандарин появляется на минуту в дверях, смотрит на них и, припадая на одну ногу, уходит обратно.

* * *

Рука в руку они сидят на малиновом диване.

Синеватое зеркало отражает песочные часы и белые крылья, валяющиеся на полу. Державин тоже снял домино и оттирает пот с лица.

Девушка в костюме ангела наклоняется над ним. Голос у нее дрожит.

— Гаврила Романович, — говорит она, — я вижу в вас дух смутный и недовольный, вы таитесь и бежите от меня. Нельзя ли представить любовницу более несчастливую?